

Отрывок из беседы «Без записок»

Во Франции, когда мы попали туда с родителями, довольно-таки туго было жить. Моя мать работала, она знала языки, а жили очень розно, в частности — все в разных концах города. Меня отдали живущим в очень, я бы сказал, **трудную** школу; это была школа за окраиной Парижа, в трущобах, куда ночью, начиная с сумерек, и полиция не ходила, потому что там резали. И, конечно, мальчишки, которые были в школе, были оттуда, и мне это далось вначале **чрезвычайно** трудно; я просто не умел тогда драться и не умел быть битым. Били меня беспощадно — вообще считалось нормальным, что новичка в течение первого года избивали, пока не научится защищаться. Поэтому вас могли избить до того, что в больницу увезут, перед глазами преподавателя. Помню, я раз из толпы рванулся, бросился к преподавателю, вопия о защите, — он просто ногой меня оттолкнул и сказал: Не жалуйся! А ночью, например, запрещалось ходить в уборную, потому что это мешало спать надзирателю. И надо было бесшумно сползти с кровати, проползти под остальными кроватями до двери, умудриться бесшумно отворить дверь — и т.д.; за это бил уже сам надзиратель.

Ну, били, били и, в общем, не убили! Научили сначала терпеть побои; потом научили немного драться и защищаться — и когда я бился, то бился насмерть; но **никогда в жизни** я не испытывал так много страха и так много боли, и физической, и душевной, как тогда. Потому что я был хитрая скотинка, я дал себе зарок ни словом не обмолвиться об этом дома: всё равно некуда было деться, зачем прибавлять маме еще одну заботу? И поэтому я впервые рассказал ей об этом, когда мне было лет сорок пять, когда это уже было дело отзвеневшее. Но этот год было действительно тяжело; мне было восемь-девять лет, и я **не умел** жить.

Через сорок пять лет я однажды ехал в метро по этой линии; я читал, в какой-то момент поднял глаза и увидел название одной из последних станций перед школой — и упал в обморок. Так что, вероятно, это где-то очень глубоко засело: потому что я не истерического типа и у меня есть какая-то выдержка в жизни, — и это меня так ударило где-то в самую глубину. Это показывает, до чего какое-нибудь переживание может глубоко войти в плоть и кровь.

Но чему я научился тогда, кроме того, чтобы физически выносить довольно многое, это те вещи, от которых мне пришлось потом **очень** долго отучиваться: во-первых, что **всякий** человек, любого пола, любого возраста и размера, вам от рождения враг и опасность; во-вторых, что можно выжить, **только** если стать совершенно бесчувственным и каменным; в-третьих, что можно жить, только если уметь жить, как зверь в джунглях. Агрессивная сторона во мне не очень развилась, но вот эта убийственная другая сторона, чувство, что надо стать совершенно мертвым и окаменелым, чтобы выжить, — ее мне пришлось **годами** потом изживать, действительно годами.

(Митрополит Антоний Сурожский. Труды. Том 1. Без записок)